

A detailed illustration of a young woman and a young man in a magical setting. The woman, on the left, has long dark hair and is wearing a blue robe with gold star and moon patterns. She holds an open book with intricate designs. The man, on the right, has dark hair and is wearing a black leather jacket and pants. He has a black cat perched on his shoulder and is holding a glowing purple orb in his right hand. The background is a dark, arched space with floating scrolls and glowing blue and green magical energy.

Алекса Микс
МЕЖДУ
ЛОГИКОЙ
И
ХАОСОМ:
КАК
ЕЖКА
СПАСЛА
АКАДЕМИЮ

Алекса Микс

**Между логикой и хаосом:
Как Ежка спасла Академию**

«Автор»

2026

Микс А.

Между логикой и хаосом: Как Ежка спасла Академию /

А. Микс — «Автор», 2026

У Ежки папа — граф Дракула, мама — ведьма Марго, бабушка — БабаЯга, а фамилляр — вредный чёрный кот Мурмур, который вечно бурчит: «Я же говорил!» Её вечный оппонент — педантичный Кай: они спорят даже о том, как держать волшебную палочку. Когда в академии начинают твориться тёмные дела, их непохожесть становится силой: Ежка не даёт страху победить, Кай не пускает её в безрассудство, а Мурмур просто закатывает глаза и подмечает то, что остальные пропускают. Из вечных спорщиков они превращаются в команду, которую лучше не злить. А заодно понимают, что любовь порой начинается там, где сначала была только взаимная головная боль.

© Микс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Алекса Микс

Между логикой и хаосом: Как Ежка спасла Академию

Глава

Глава 1.

Зелье-путешественник

Утро в академии магии «Серебряный Источник» начиналось всегда одинаково: башенные часы пробивали семь, в коридорах пахло озоном и вчерашними неудачными приворотами, а Ежка Веспер опаздывала. Впрочем, она опаздывала так вдохновенно, что это уже само по себе было своего рода искусством. Она мчалась по лестнице, на ходу застёгивая мантию, правый рукав которой почему-то упрямо не хотел проходить в пройму, а в волосах у неё застрял сушёный василёк, который она забыла вытащить ещё вчера, когда сушила его на подоконнике. — Ты опять, — раздался голос из-за пазухи. Мурмур, чёрный кот с глазами цвета спелого крыжовника, сидел, свернувшись клубком, и смотрел на хозяйку с тем выражением, которое бывает только у котов и у критиков: всезнающим, слегка снисходительным и совершенно бесполезным в плане реальной помощи. — Ты опять опаздываешь, — повторил он. — В третий раз за неделю. Если бы опоздания были предметом, ты бы уже была профессором. — Спасибо, Мурмур, твоя вера в меня греет, — Ежка перепрыгнула через две ступеньки, чуть не врезалась в рыцаря-призрака на площадке (призрак обиженно звякнул доспехами и пробормотал что-то про «молодёжь») и свернула в боковой коридор. — Я не верю в тебя, я наблюдаю за тобой, — уточнил кот. — Это принципиально разные вещи. Вера предполагает отсутствие доказательств. А у меня доказательств на мемуары хватит. Ежка фыркнула и толкнула тяжёлую дубовую дверь аудитории 3. Всё-таки она успела. Профессор Зельевар ещё не вошёл, а студенты толклись у своих мест, раскладывая колбы, пергаменты и, у некоторых, шпаргалки. Шпаргалки по зельеварению были особым видом искусства: их писали микроскопическим почерком, сворачивали в трубочки и прятали в полые ручки, а самые отчаянные заучивали их наизусть, а потом забывали в первую секунду от волнения. Ежка плюхнулась на своё место, третий ряд, у окна, и начала выгребать из сумки ингредиенты. Сумка была большая, потёртая, с вышитым на боку девизом: «Спешите любить, пока не накрыло» (подарок мамы на день рождения). — Так, — она разложила флакончики. — Корень мандрагоры, слюна василиска, перья хохлатой совы... а где экстракт лунного камня? — Ты его вылила на рубашку позавчера, — напомнил Мурмур. — Это был эксперимент! — Рубашка с ней не согласилась. Она теперь светится в темноте. Ты можешь открывать ею маяк. Ежка открыла рот, чтобы ответить, и тут дверь аудитории открылась не с обычным скрипом, а с таким звуком, будто кто-то важный решил, что скрип для черни. Вошёл Кай. Кай Морриган был из тех людей, которые даже в обычной мантии выглядят так, будто только что сошли с обложки журнала «Ведьмак элегантный». Тёмные волосы зачёсаны назад, причем, одна прядь упрямо падала на лоб, и он убирал её с таким видом, будто это была единственная слабость, которую он себе позволял. Глаза тёмные, внимательные, с прищуром. Рост такой, что когда он шёл по коридору, у первокурсников возникало непреодолимое желание расступиться, даже если коридор был шириной в три метра. Он сел на своё место, первый ряд, ровно по центру, и начал раскладывать инструменты с точностью хирурга: пинцет слева, мерный стакан справа, пергамент перед собой, перо под углом тридцать градусов. Ежка посмотрела на это и тихо сказала: — Жуть. — Ты ему не нравишься, — сообщил Мурмур. — Я знаю. — Нет, я в смысле, ты ему действительно не нравишься. Он только что посмотрел на

тебя и моргнул один раз. Он моргает дважды, когда ты ему безразлична, и один раз, когда раздражён. Ты — один морг. — Ты что, считаешь его морги?! — Я кот. Я считаю всё. Ежка хотела ответить что-то остроумное, но тут дверь снова открылась, на этот раз с самым обычным скрипом, и вошёл профессор Зельевар. Профессор Зельевар был невысоким, лысым, с такой бородой, которая компенсировала отсутствие волос на голове: она была пышная, рыжая и, казалось, имела собственное мнение по любому вопросу. Когда профессор говорил, борода слегка шевелилась, словно соглашалась или спорила. — Доброе утро, — сказал он, и борода кивнула. — Сегодня практическое занятие. Тема — бытовые антипроклятия. Мы будем варить простейшее зелье нейтрализации, оно же «отбойник». Простейшее зелье. Безопасное. Если, конечно, не наливать слишком много корня мандрагоры. Он обвёл аудиторию взглядом и задержался на Ежке ровно на секунду дольше, чем на остальных. — А также не добавлять «для надёжности» ничего, чего нет в рецепте, — добавил он. Ежка невинно улыбнулась. — Это намёк? — шепнула она Мурмуру. — Нет, это медицинский факт, — ответил кот. Профессор продиктовал рецепт. Все начали работать. Ежка тоже, и, надо признать, начала вполне прилично. Она отмерила воду — правильно. Насыпала толчёный мел — правильно. Добавила слюну василиска — три капли, как положено. А потом дошла очередь до корня мандрагоры. На этикетке было написано: «Одна капля на литр». Ежка посмотрела на флакон. На литр — одна. А у неё пол-литра. Значит, полкапли. Но полкапли — это как-то несерьёзно. И вообще, кто видел полкапли? Капля — она круглая. Её нельзя поделить. Это же не пирог. — Капля... — пробормотала Ежка. — Ну, я добавлю две. Для надёжности. Мурмур закрыл глаза. — Ты опять? Ты в прошлый раз «для надёжности» сделала так, что у нас шкаф заговорил неприличные частушки. — Шкаф сам их знал! Я лишь дала ему голос! — И потом пришлось отдирать его от стены, потому что он отказывался замолчать и требовал, чтобы все слушали «второй куплет про тролля и русалку». Ежка отмахнулась и капнула. Потом ещё раз. Потом, подумав, ещё разок. Зелье зашипело. Потом забулькало. Потом поменялось цвет с безобидного розового на тревожный фиолетовый. Потом из котла показалась маленькая ножка. — О, — сказала Ежка. Ножка была тонкая, фиолетовая, с крошечными пальцами. За ней — вторая. Зелье, оказывается, отращивало ножки не просто так: оно решило отправиться погулять. Оно выбралось из котла, как ребёнок из ванночки, и покатилося по краю стола, оставляя за собой радужный след, который переливался и слабо пах фиалками. — О-о-о, — сказала Ежка уже тише. Зелье спрыгнуло со стола и бодро засеменило по проходу. Студенты начали оборачиваться. Кто-то засмеялся. Кто-то ахнул. Первокурсница с косичками наступила на радужный след и тут же заговорила, и не просто заговорила, а зарифмовала: — Что за странный-престранный след? Не пойму я, что за бред! — О нет, — сказал профессор Зельевар. Ещё один студент наступил: — Горе мне, горе, на полу моё море! — Это катастрофа, — сказал кто-то сзади. — Это не зелье, это стихи, — сказал кто-то ещё и тоже наступил на след: — Я хотел сказать «привет», но выходит — «дам ответ»! Кай Морриган стоял у своего котла, скрестив руки на груди, и смотрел на происходящее с тем выражением лица, которое бывает у человека, наблюдающего, как кто-то роняет торт на пол второй раз за вечер. — Это не зелье, — сказал он. — Это катастрофа. Ежка покраснела, но тут же выдала: — Зато теперь у нас есть зелье-путешественник! Может, оно найдёт потерянные носки! Мурмур фыркнул: — Или потерянный здравый смысл. Хотя нет, твой уже не найти. Он не просто потерял, он уехал и не оставил адреса. Кай подошёл к зелью, которое к тому моменту добралось до преподавательского стола и пыталось забраться на стул. Он достал палочку, шепнул нейтрализующее заклинание, и зелье замерло, потом растеклось, потом превратилось в лужицу безобидной жижи, пахнувшей фиалками. — Если ты сейчас не остановишь это... — начал он, обернувшись к Ежке, и тут же осёкся, потому что она уже стояла рядом с ним, и почему-то очень близко. — Я уже остановила, — соврала она. Врать Каю в лицо было спорным решением, потому что он моментально это замечал, но Ежка не могла иначе: вру, значит, существую. — Ты его не останавливала, — сказал Кай. — Его остановил я. — Технические детали, — отмахнулась Ежка.

— Главное — результат. — Результат — половина аудитории теперь говорит стихами. — Зато с выражением! — улыбнулась она. Кай моргнул один раз. Профессор Зельевар подошёл, посмотрел на лужицу, на студентов-поэтов, на Ежку, на Кая и вздохнул так, будто этот вздох копился у него в груди с самого утра. — Кажется, у нас тут не только зелье вышло из-под контроля, — сказал он. — Веспер, Морриган — ко мне после занятия. Ежка показала Каю язык. Кай сделал вид, что не заметил, но Мурмур заметил — и запомнил.

Глава 2.

Наказание и нейтрализация

— Совместная работа, — сказал профессор Зельевар, сидя за столом, заваленным пергаментами и колбами. — Вы оба будете нейтрализовать последствия. Все. До последнего рифмованного студента. — Это несправедливо, — сказал Кай. — Я не добавлял лишних капель. — Нет. Но ты сидел рядом и не предупредил. — Я не обязан следить за тем, что делает Веспер! — Обязан, если ты сидишь рядом. В этой академии учат не только магии, но и ответственности за тех, кто рядом. Считай это частью обучения. Кай открыл рот, закрыл. Потом открыл снова, и Ежка была почти уверена, что он сейчас скажет что-то язвительное, но вместо этого он сказал: — Ладно. И это было так не похоже на Кая, что Ежка даже моргнула. — Хорошо, — профессор Зельевар встал. — Вот список пострадавших. Вам нужно приготовить нейтрализатор — тот же рецепт, но без корня мандрагоры. Наносить на следы. До пятницы. — Это же три дня! — ахнула Ежка. — Мог бы быть год, — сказал профессор. — Если бы зелье добралось до входной двери. Он ушёл, и они остались вдвоём. И Мурмур, разумеется. — Ну, — сказала Ежка. — Командная работа? — Командная пытка, — поправил Кай. — Какая разница, — сказал Мурмур, выпрыгнув на стол. — Всё равно я supervise. — Кот, тебе положено молчать, — сказал Кай. — Мне ничего не положено. Я фамилльяр, а не мебель. Ежка хихикнула. Кай посмотрел на неё так, будто она только что засмеялась на похоронах, и Ежка тут же сделала серьёзное лицо. — Так, — она развернула список. — Пострадавших двенадцать человек. Десять наступили на след, двое просто рядом стояли и вдохнули пары. — Они что, рифмуют даже когда чихают? — спросил Кай, заглянув в список. — Не знаю. Может, чихают стихами. «Апчхи-и-и, не пойму я, где сы-ы-ыр»? Кай не засмеялся. Но Ежка заметила: уголок его губ дрогнул. На полсекунды. Потом он взял себя в руки. — Начнём, — сказал он. — Ты отмеряешь, я мешаю. И не капля больше, чем в рецепте. — Я умею считать! — Ты умеешь считать так же, как умеешь летать — теоретически и с катастрофическими последствиями. — Это было один раз! — Два, — сказал Мурмур. — Два, — подтвердил Кай. Ежка сжала кулаки, но сдержалась. Потому что, если честно, он был прав, и это было самое раздражающее.

Глава 3. Первый вечер

К вечеру первого дня они нейтрализовали шесть следов. Студенты-поэты один за другим возвращались к нормальной речи, и каждый из них первым делом говорил: «Это была Ежка, да?» — Это была коллективная неудача, — отвечал Кай. — Это была Ежка, — отвечал Мурмур. — Это было вдохновение, — отвечала Ежка. Их было трое, и это было странно. Кай — точный, холодный, правильный. Ежка — быстрая, тёплая, хаотичная. Мурмур — наблюдатель, комментатор, бессовестный свидетель. Кай работал молча. Ежка болтала. Мурмур комментировал. — Ты вон ту каплю налила криво, — сказал Кай, глядя, как она держит пипетку. — Я налила ровно. — Ровно — это когда капля падает вертикально. Твоя падает под углом. — Кай, это капля, а не артиллерийский снаряд. Она не обязана падать по траектории. — В зельеварении всё обязано. Зельеварение — точная наука. — Зельеварение — алхимия, а алхимия — искусство. — Алхимия — это наука с поэтическими претензиями. — А ты — человек с хирургическими претензиями. — Спасибо. — Это не комплимент. — Я знаю. Именно поэтому спасибо. Ежка фыркнула, но не стала развивать спор. Потому что заметила: когда они спорили, зелье варилось лучше. Она наливала, он мешал. Она торопилась, он замедлял. Они уравнивали друг друга, и это было... не неприятно. Мурмур, лежавший на стопке пергаментов,

приоткрыл один глаз:— Вы уже обменялись тремя колкостями, и ни одна не переросла в драку. Прогресс.— Мы не дерёмся, — сказал Кай. — Мы обсуждаем.— Обсуждение — это когда оба слушают. Вы оба говорите.— Это тоже вид обсуждения, — сказала Ежка.— Это вид тенниса. Слова вместо мячей. И, кстати, подача за тобой. Кай посмотрел на кота. Потом на Ежку. Потом снова на кота.— У тебя очень странный фамильяр, — сказал он.— У меня очень честный фамильяр, — ответила Ежка. — Это хуже.

Глава 4.

Второй вечер

К вечеру второго дня оставалось четыре следа, и они работали в пустой аудитории, потому что все остальные студенты предпочли держаться подальше от того места, где Ежка Веспер варила что-либо.— У тебя рука дрожит, — сказал Кай, глядя, как она держит пинцет.— Это не дрожь. Это вибрация вдохновения.— Это вибрация катастрофы.— Кай, скажи мне честно: ты когда-нибудь в жизни совершил хоть одну спонтанную вещь? Он помолчал. Потом сказал:— Один раз. Я выбрал академию не ту, которую мне выбрал отец.— О! — Ежка подняла брови. — И что?— И ничего. Отец до сих пор молчит на эту тему. Что само по себе очень громко.— А ты не жалеешь?— Нет. — Кай помешал зелье. — Я здесь нашёл то, чего не нашёл бы там. Но это не для разговора.— Почему?— Потому мы не разговариваем. Мы нейтрализуем.— А если бы мы разговаривали? Кай посмотрел на неё. Долго. С прищуром. И Ежка вдруг поняла, что у него очень тёмные глаза — не чёрные, а тёмно-карие, с крапинками, как у старого янтаря. И что раньше она этого не замечала, потому что всегда была слишком занята: спорила, шутила, опаздывала.— Если бы мы разговаривали, — сказал Кай медленно, — я бы сказал, что мне нравится, как ты не боишься ошибаться. Ежка замерла.— Ты не боишься ошибиться, — повторил он. — Это редкость. Большинство людей боятся. Я боюсь. Поэтому я по правилам. А ты нет. Поэтому ты живая. И отвернулся. И стал мешать зелье. Как будто ничего не сказал. Ежка стояла с пинцетом и думала: «Он. Только что. Сказал мне комплимент. Настоящий. Не сарказм, не насмешка. Комплимент.» Мурмур, который весь вечер демонстративно спал, вдруг поднял голову:— Два морга. Он моргнул два раза. После комплимента. Не один, когда злился, а два. Я, кажется, должен пересмотреть свою теорию. Два морга — это не «безразличие». Два морга — это что-то другое. Ежка хотела спросить: «Что именно?» — но не стала. Потому что знала, что Мурмур ответит. И ответ будет точным. И она не была готова это услышать.— Пора доделывать, — сказала она.— Пора, — согласился Кай. Они работали ещё час. Молча. Но тишина была другой: не враждебной, не натянутой. А тёплой. Как будто между ними что-то сдвинулось — на миллиметр, на полградуса, — но сдвинулось.

Глава 5. Письмо из дома

Вечером, вернувшись в общежитие, Ежка обнаружила письмо. Письма из дома приходили регулярно, раз в неделю, а иногда и чаще, потому что Марго Веспер (урождённая Яговна, а теперь графиня Дракула) не умела молчать дольше двух дней. Она писала на розовом пергаменте, фиолетовыми чернилами, с такими завитушками в начале каждой буквы, что читать было одновременно приятно и мучительно. Ежка села на кровать, развернула письмо и начала читать вслух, потому что Мурмур всё равно бы подслушал. «Дорогая моя Ежка! Надеюсь, ты не голодаешь, не мёрзнешь, не взорвала ничего важного и не влюбилась в кого-нибудь неподходящего. Если последнее — позвони немедленно, я пришлю твоего отца, он разберётся. У нас всё по-прежнему. Твой отец вчера пытался повесить картину в гостиной. Картина — это портрет его прадедушки, очень мрачный, в чёрной раме, с таким выражением лица, будто прадедушка знал, что его повесят. Отец вбивал гвоздь, гвоздь сломался, молоток улетел в окно, окно к соседям, соседи к нам, с претензией. Я сказала: „Драго, ты князь, а не плотник. Нанял бы мастера“. Он сказал: „Я сам всё могу“. Я сказала: „Ты можешь всё, кроме того, чтобы повесить картину“. Он сказал, что это провокация. Я сказала, что это факт. Мы поругались. Потом помирились. Потом опять поругались, потому что он сказал, что я „подрываю его авторитет“.

Я ответила, что его авторитет подорвался вместе с гвоздём. Потом мы смеялись. Бабушка приезжала в среду. Приехала, села в кресло, посмотрела на всё, сказала: „У вас тут так уютно, что хочется уехать“. Потом накрыла на стол — сама, потому что она никому не доверяет кухню, — и мы ели её борщ. Борщ был острый, как её характер. Она спрашивала про тебя. Я сказала, что ты учишься. Она сказала: „Учится она. Ты бы лучше следила, чтобы она не влипала в истории“. Я сказала: „Мама, я не могу следить за тем, что происходит в академии“. Она сказала: „А зря. Я бы следила. Я за тобой следила — и вот, вырастила неплохую ведьму, хоть и с дефектами“. Дефекты — это, по её мнению, твоя привычка смеяться над своими же ошибками. Пиши чаще. И не забывай: если кто-то тебе не нравится — скажи мне, я приеду и поговорю. А если кто-то нравится — скажи отцу, он приедет и поговорит по-другому. Люблю тебя, Мама Р.С. Мурмуру — посылка. Не открывай сама, там сушёная мышь. Не спрашивай, откуда я знаю, что он любит. Я мать, я знаю всё.» Мурмур, услышав про мышь, оживился: — Твоя мама — единственный человек в моей жизни, который понимает меня по-настоящему. — Она ведьма, а не человек, — поправила Ежка. — Тем более. Ежка улыбнулась и достала перо. «Мама, привет! Спасибо за письмо. Я не голодаю, не мёрзну и пока ничего не взорвала. „Пока“ — ключевое слово. У меня всё хорошо. Учусь. Зельеварение — сложно, но интересно. У меня новое наказание — совместная работа с Каем Морриганом. Ты не знаешь такого. Он брюнет, вредный, аккуратный, всё делает по правилам. Мы спорим постоянно. Но, если честно, работать с ним не так уж плохо. Он внимательный. И иногда... ну, не смешной, но тёплый. Хотя сам этого не знает. Никто мне не нравится. Пока. Целую, Ежка Р.С. Мурмур получил мышь. Спасибо. Он теперь смотрит на меня так, будто я недостойна его присутствия, а мышь достойна.» Она запечатала письмо, отдала сове (сову звали Глафира, она работала в почтовой башне и относилась к своей работе с той серьёзностью, с какой некоторые люди относятся к религии) и легла спать. Снился ей Кай. Не то чтобы в романтическом смысле — просто снился, как он стоит у котла и говорит: «Это не зелье, это катастрофа», но с такой интонацией, будто «катастрофа» — это что-то тёплое. Ежка проснулась в полном недоумении. Глава 6. Третий день. Неожиданный поворот На третий день, когда они с Каем закончили нейтрализовать последние следы, Ежка ожидала, что на этом всё закончится. Кай кивнёт, скажет «больше не добавляй лишних капель» и уйдёт. Она пожмёт плечами, скажет Мурмуру «ну вот, отработали» и тоже уйдёт. И всё вернётся на круги своя: он — первый ряд, она — третий, и между ними два ряда и вечность. Но вышло иначе. Они шли по коридору, и Кай вдруг остановился. — Вечер. — Что? — Ты сегодня не налила лишнего. — Я... — Нет. Сегодня ровно. Все четыре следа — без передозировки. Я проверил. Ежка моргнула. Кай Морриган делал ей комплимент? Второй за два дня? — Спасибо, — сказала она и почувствовала, как уши стали горячими. Как будто кто-то положил им горчичник. Кай кивнул и пошёл дальше. Мурмур, трусивший следом, повернул голову к Ежке и показал язык. Коты не умеют показывать язык, но Мурмур умел. Он вообще делал многое из того, чего коты не должны. — Уши красные, — констатировал он. — Замолчи. — Это физиология. Уши краснеют от прилива крови. Кровь приливает, когда... — Мурмур! — Ладно-ладно. Молчу. Но я записал. И тут случилось. В коридоре третьего этажа, там, где Ежка пролила зелье, стены начали менять цвет. С серого на зелёный, с зелёного на синий, с синего на розовый. — Это не остатки моего зелья, — сказала Ежка, глядя на розовую стену. — Я нейтрализовала всё. — Ты нейтрализовала следы, — сказал Кай. — Но зелье, видимо, успело впитаться в стены. Или в пол. Или в... — В стены, — перебил Мурмур, сидевший на подоконнике. — Я чувствую. Это не зелье. Это что-то другое. Кай и Ежка переглянулись. — Что «другое»? — спросил Кай. — Не знаю, — сказал кот. — Но это пахнет не как фиалки. Это пахнет как старая магия. Древняя. Та, которую не учат в академии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.